

ЭТНОГРАФИЯ

Р.И. Сефербеков

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЙ АХВАХЦЕВ

Большое место в духовной культуре ахвахцев занимали традиционные религиозные верования, которые наиболее зримо проявлялись в аграрных культах, метеорологической магии, календарных и семейно-бытовых обрядах, общественных праздниках и др.

Несмотря на многовековое исповедание ислама (*Шихсаидов А.Р.*, 2001. С. 4, 29), а до него и христианства (*Атаев Д.М.*, 1958. С. 161–182; 1963. С. 196–214; *Тахнаева П.И.*, 2004), влияние идеологии этих монотеистических религий, все же в быту и культуре ахвахцев сохранились реликты языческого пантеона и пандемониума. Источником для их реконструкций служат обряды, обычаи, верования, праздники, лексика и фразеология и т.д.

Большое место в идеологических представлениях ахвахцев занимали астральный культ и верования, связанные с атмосферными явлениями. О былом распространении культа солнца у ахвахцев можно судить по множеству графических изображений светила на камнях в стенах домов, мечетей, оборонительных сооружений и т.д. Дошли до нас и пережитки почитания луны. Затмение луны считалось предвестником беды и несчастья. Во время затмения устраивали шум: стреляли из огнестрельного оружия, били в медные тазы и т.п. При новолунии, глядя на молодой месяц, просили у Всевышнего счастья и благополучия (*Лугуев С.А.*, 2008. С. 300). Красивую девушку называли луноликой («боцЮгула гьамари»). Если при ярком солнце вдруг начинал идти дождь, говорили: «Лис женится» («Шараде акКи ельере гиди»). Если какой-либо человек совершал поступок, которого от него не ожидали, то говорили: «Проведите черту там, куда не попадают лучи солнца» («Милъи бекъ' икалъи мухъу бехъая»).

Гром и молния считались божественными явлениями. Услышав первый гром, нужно было о что-либо облокотиться (скала, дерево, угол дома) и с закрытыми глазами прочесть молитву, а потом попросить у Всевышнего силы и здоровья (*Лугуев С.А.*, 2008. С. 301).

В соответствии с верованиями ахвахцев, гром («гъугъела») – это голос ангела, а молния («гъири») – его кнут, которым он бьет тучу, чтобы она побыстрее пролилась дождем. При сильных раскатах грома говорили: «Аллах играет на своем барабане» («Алласве гвама къварере годи»). По мнению ахвахцев, в том месте, куда ударила молния, можно найти золотой топор («мишидилъе ажите») или золотую пыль («мишидилъе тата»). В отношении убитых молнией считали, что таким образом Всевышний карает грешников. Как и хунзахцы, ахвахцы полагали, что если молния попадет в конский или коровий навоз, она дальше не проходит в землю.

Что касается другого атмосферного явления – радуги («чIарачIу»), то бытовала вера, что под ее концами находятся золотые ножницы. Имелась примета: если один конец радуги находится в реке – это к пасмурной погоде, дождю. Такая же

примета существовала и в случае, когда улитка («цIадалги имихи» – «дождевой осел») выходила из своего домика.

Ряженный в обряде вызывания дождя у ахвахцев назывался *ЦIадалги имихи* («дождевой осел»), *ЦIуИлгьльгаль имихи* («травяной осел»). Его рядили в ветви камыша или березы (с. Ратлуб) или в лохмотья и войлочную маску (с. Кудияб-Росо). В с. Кудияб-Росо ряженным был мальчик, в сс. Изано, Лологонитль, Тадмагитль это были мужчины, в с. Глянуб им могли быть и мужчины, и женщины, в с. Цекоб – две-три женщины, в с. Ратлуб – пять-шесть мальчиков. Их окунали по несколько раз в воду, брызгали на них водой. При этом присутствовавшие при обряде заклинали: «Как мы намочили этого человека, пусть Аллах намочит землю!» Затем участникам обряда раздавали мясо жертвенного скота, продукты и сладости (Лугуев С.А., 2008. С. 285). На наш взгляд, ряженный в данном обряде являлся персонализацией божества дождя.

Обряды вызывания дождя, в которых принимал участие ряженный, бытовали и у других аварцев и дагестанцев. (Каранаилов О., 1884. С. 18; Омаров А., 1896. С. 7; Булатов А.О., 1990б. С. 214). Помимо вышеописанного, в каждом ахвахском селении существовали и другие приемы по вызову дождя. Например, в с. Лологонитль в случае засухи для вызывания дождя процессия жителей во главе с муллой направлялась на южную окраину села, где находилось озеро. У озера совершали омовение, а затем проводили обряд «зикр». Вслед за этим направлялись к «камням, у которых просят дождь» («ЦIа хь'еда цIаби»). Один из жителей села становился на одну из каменных глыб и произносил следующее заклинание: «Пусть с земли идет «баракат» (достаток), а с неба – «ряхIмат» (благодать)!»

Не меньшим бедствием, чем засуха, были затяжные дожди и град. При затяжных дождях для их приостановления разводили большой костер и бросали в него особую траву под названием «жоми». Детям запрещали срывать или косить высокую траву «цIилгьльгаль» («медвежий дом»), так как в противном случае имела примета, что это вызовет затяжной дождь. Для приостановления града ахвахцы, как и другие кавказцы (Брегадзе М.А., 1967. С. 144), выбрасывали во двор металлические предметы и изделия – треножник («миххи») и кастрюлю («шаги») и т.п.

Как и у других аварцев (Агларов М.А., 1984. С. 37–38, 41–42), у ахвахцев покровителями диких животных являлись *Будалаал*. Местом их обитания будто бы была гора Тархо вблизи Богосского хребта. Они невидимы для простых людей и видимы для отдельных праведников. По рассказам последних, *Будалаал* по внешнему облику напоминают людей, их домашние животные – туры. Когда кто-либо из *Будалаал* умирает, они крадут плод из утробы земных женщин, отличающихся безгрешностью и благонравием. Украденный ребенок впоследствии будто бы превращался в *Будалаал*. Например, имеется свидетельство, что плод похитили у одной женщины из с. Тадмагитль. Ее муж будто бы общался с *Будалаал*, мог «видеть» их. Общение с *Будалаал* приписывали и Акилову Гаджи из с. Лологонитль. Они будто бы перемещали его для пятничного намаза в Мекку. Похитив плод, *Будалаал* оставляют на подоконнике след от ноги ребенка, и увидеть этот след может только его мать, которая после смерти попадает в рай. Говорят, что в местах, где обитают *Будалаал*, видели на камнях следы детских ног и слышали голоса читающих нараспев молитвы из Корана.

Как отмечалось выше, *Будалаал* покровительствуют диким животным. Им не нравится, что на животных охотятся. Они мстят охотникам, убивающим дичь сверх меры. Говорят, что некий охотник Осман из с. Лологонитль слышал, как

Будалаал кричали ему: «Оставь в покое наших животных!» С тех пор он бросил охоту. Рассказывают также, что другой охотник из этого же села по имени Араб убил самку тура в тот момент, когда ее доила женщина-*Будалаал* (она была невидима охотнику). Она прокляла Араба, пожелав ему, чтобы в его семье из детей было не больше одного сына. Это проклятие будто бы исполнилось: даже в наше время у потомков этого охотника рождается только по одному сыну. По словам старого охотника из с. Лологонитль Турулава (он известен и тем, что проводит обряд «связать пасть волку» – «бачЮльги къ’е кIару»), охотники при употреблении в пищу мяса убитой ими дичи не ломают кости, т.к. бытует вера, что *Будулаал* собирают эти кости, бросают их в шкуру и оживляют этих животных. Недостающие кости заменяют ветками. По имеющейся у нас информации, *Будалаал* покровительствуют не только диким, но и домашним животным. Чабаны рассказывают, что когда отару отгоняют на горные пастбища, видно, как овцы пасутся отдельно от баранов: «Это *Будалаал* отделяют их, чтобы ягнята родились вовремя, к весне».

В соответствии с верованиями ахвацев, в лесистых местностях водились «хозяева лесов» *ТамIахъа* (*ТамIахъе*), которые являлись в виде диких животных – медведя, волка, оленя, кабана и др. Поэтому, входя в лес, следовало читать молитву, иначе «лесные хозяева» могли до смерти запугать человека, лишить его разума, завести в лесную чащу далеко от дома и т.п. Чтобы не беспокоить «хозяев», в лесу нельзя было громко разговаривать, ссориться, ругаться (*Лугуев С.А.*, 2008. С. 318).

Из мифологических персонажей, локусом обитания которых была вода, у ахвацев сохранились представления о водяном *Лъелъльисе* («то, что обитает в воде»). «Особое место в народной идеологии занимали поверья в *Ххату* («водяные женщины»). Ими, по древним поверьям, были буквально заполнены все большие и малые реки. Для женщин эти существа всегда оставались невидимыми. Зрелые мужчины могли увидеть их во сне, и то в редких случаях. Чаще всего якобы они являлись, когда мужчине случалось заснуть у реки. Являлись они в образе стройных красавиц, с распущенными волосами, обнаженной грудью и в просвечивающихся длинных платьях. Если мужчина соблазнился одной из них, то впоследствии от него жена уже детей не рожала, а чаще всего он вообще терял «мужскую силу». Очень часто, по народным поверьям, после такого сна мужчина совершенно терял голову, тосковал по привидевшейся красавице, проводил все свое время на берегу реки, забросив дом и семью, и вскоре либо умирал, либо сходил с ума» (*Лугуев С.А.*, 2008. С. 318).

Встречающегося у других аварцев и народов Дагестана (*Сефербеков Р.И.*, 2005) мифологического персонажа Мать ветров, насколько нам известно, у ахвацев нет. Однако сохранились некоторые верования, связанные с ветром. Так, ахвацы не ругали ветер, даже если он произвел какие-то разрушения в хозяйстве. При сильном ветре говорили: «Не дай, чтоб Аллах разозлился!» («Алласу сими бекъ’ адалье мичубакъа!»), «Пусть Аллах сбережет нас!» («Алласве чIину мачакъа!»). Ахвацы называют «ветряной мельницей» («лъвелалъи хваба») хвастунов и пустозвонов.

До 1970-х гг. обязательным персонажем свадеб и выступлений канатоходцев был ряженный *ши* («медведь»). Их бывало несколько. Обычно это были местные молодые мужчины, которые рядились в вывороченные наизнанку тулупы и в маски с рогами. К тулупу привязывались различные металлические предметы, которые при ходьбе производили шум. Вместо волос надевали своеобразный парик из

шерсти. Этот «костюм» дополнял прикрепляемый к одежде сзади коровий хвост. Лица ряженные чернили сажей либо обмазывали растительными красками черного или красного цвета. Иногда ряженный надевал на голову лисью шкуру с мордой, лапами и хвостом. В руках они держали палки. Они носили сбоку особые торбы, наполненные золой, мукой и мелкими камешками («чабахи»), которыми они бросались в детей и женщин. Ряженные танцевали, кувыркались. Все свои действия они производили молча и старались быть неузнанными. На свадьбах иногда мужчины для смеха переодевались в женскую одежду и наоборот. Ряженный на представлении канатоходцев назывался *гекъи гьвала* («нижний канатоходец»). Их бывало двое, и это были местные мужчины. Основной задачей ряженных на свадьбах и выступлениях канатоходцев, помимо поддержания атмосферы праздника и веселья, было отвлечение внимания на себя «дурного глаза» от основных персонажей этих мероприятий.

Ряженные принимали участие в календарных и семейно-бытовых обрядах и у других аварцев (*Сефербеков Р.И., Шигабудинов Д.М., 2006. С. 69–74*) и дагестанцев (*Булатова А.Г., 1988. С. 45*).

В отличие от андалальцев, хунзахцев, гидатлинцев и др. ахвахцы не изготавливали хлебных кукол (*ясикЮ*). Из остатков теста при хлебопечении для детей делали колобки *бушина*, которые запекали в золе. Интересен обрядовый хлеб ахвахцев, называемый *рукъулъи игвара*. Его выпекали на свадьбе и поминках. Для его приготовления смешивали два вида муки – кукурузную и пшеничную в пропорции 2:1. Эту муку замешивали на теплой воде. Затем тесто помещали в специальные деревянные бочки и укутав ставили в теплое место. Тесто должно было подняться трижды, прежде чем оно было готово к выпечке. Эти ритуальные хлебы выпекали на каменных или железных плитах, что свидетельствует об архаичности этого вида печеного мучного изделия. Хлеб имел сладковатый привкус. Фигурные обрядовые хлебы выпекались и другими дагестанскими (*Булатов А.О., 1990а; Сефербеков Р.И., Шигабудинов Д.М., 2006. С. 75–77*) и кавказскими (*Егоров Н.М., 1909; Чурсин Г.Ф., 1930*) народами.

Как и у других андийских народностей (*Агларов М.А., 1988. С. 67–68*), у ахвахцев бытовала вера в божество *ЦЮоб*. В изучаемое время этот теоним трансформировался в понятие «божья милость» и сохранился, например, в таких выражениях, как «*ЦЮ бачЮруль’а*» («Без божьей милости»), «*Алласу цЮ билъу мича*» («Пусть Аллах сжалится») и др.

Также многочисленны и демонологические персонажи ахвахцев. Ахвахцы верили в существование «фундаментной змеи» – *гьассагессе бека*. Она представлялась серого цвета с желтыми продольными полосками, с головой удлиненной формы и длиной около 2 метров. Локусом ее обитания был фундамент дома. Считали, что если эта змея не обитает в доме, то фундамент строения не будет держаться. Ее не убивали, так как в противном случае хозяин жилища будто бы мог попасть в беду. Как и у других аварцев, с фундаментом у ахвахцев были связаны определенные верования. Для того чтобы строящееся жилище было крепким и долговечным, а также чтобы в доме и семье был достаток и благополучие, под первый камень фундамента клали серебряные монеты.

К змеям в целом у ахвахцев было отрицательное отношение. Считали, что убитую змею надо обязательно «похоронить», иначе ее «родственники» приползут отомстить. Сохранилось подменное название змеи – «*щурида чула*» («то, что

производит шорох»). Такой же эвфемизм – «мусгIетти бахъан» («ползущая») существовал и у даргинцев-цудахарцев.

Демонологический персонаж, который условно можно отнести к домовым, у ахваццев называется *Рехье*. Его не видно. Некоторые считали, что *Рехье* являлся в облике какого-либо домашнего животного (с. Тадамагитль), другие отождествляли его с котом (с. Кудияб-Росо). Он мог принять любой облик. Иногда появлялся в образе женщины, а мог принять форму глиняного кувшина («шегIильльи азо»): «Если сумеешь ударить *Рехье*, то слышен звук как от удара о глиняный кувшин» (с. Лологонитль). Он «волосатый», «тяжелый как камень». Приходил домой извне в ночное время суток через дверной порог или дымоход. Закрытые наглухо окна и двери не являлись препятствием его проникновению в жилище. Домовой безмолвен. У него нет одной ноздри. Он обладал чудесным предметом – шапкой («такъ-ия»), украшенной золотом и драгоценными камнями, которую он при проникновении в дом клал в нишу над дверным проемом или оставлял за порогом. Появление *Рехье* в доме – к беде. Проникнув в жилище, он всей тяжестью наваливался на спящих в одиночку на спине людей, главным образом женщин. Когда он наваливался на человека и душил его, каждый орган домового совпадал с человеческим органом и лишь отсутствие одной ноздри у *Рехье* давало возможность человеку дышать второй ноздрей и спасало его от удушья. Говорят, что когда домовый наваливается на человека, то по телу последнего проходит дрожь. Если в тот момент, когда домовый навалился, человек сумеет пошевелить кончиком пальца руки или ноги, или же моргнет, то *Рехье* будто бы исполняет любое его желание.

Близок к *Рехье* другой персонаж – *Цициххаро* (в с. Ратлуб – *Тамихьо*). Ахваццы представляли его себе высоким и необычайно худым мужчиной, с огромными глазами, свирепым взглядом и огромными руками. *Цициххаро* появлялся у постели спящего обычно глубокой ночью или под утро. Человек во сне чувствовал его близость, дыхание его затруднялось, от тяжелого, давящего чувства он пытался вскрикнуть, вскочить, проснуться, но у него ничего не получалось. Весь в холодном поту человек наконец просыпался. В народе верили, что когда *Цициххаро* доводил дело до конца, человек умирал (Лузиев С.А., 2008. С. 317).

Представления о домовом, душасщем человеке во время сна и владеющем чудесными предметами, имелись и у других народов Дагестана (Булатов А.О., 1990б. С. 131–147; Гаджиев Г.А., 1991. С. 26–27; Халидова М.Р., 1992. С. 111–113).

К демонологическим персонажам ахваццев относилась и *Ила йона*. Ее представляли в облике безобразной женщины с потрескавшейся кожей лица и рук, одетой в старые лохмотья. Ее еще называли Матерью чертей. Разрез глаз у нее был не вдоль, а поперек и пятки вывернуты наружу. Локусом ее обитания было неосвоенное и враждебное человеку пространство – горы. Ее приход предвещал беду, болезни. Ею пугали детей: «*Ила йона* бекъ'ере годи!» («*Ила йона* придет!»). По народным представлениям, *Ила йона* в вечернее и ночное время бродит по селу, стучится в двери и просит у хозяев жир или масло, чтобы смазать свою потрескавшуюся кожу. Для того чтобы она не приходила, на дверной порог (граница миров) выливали подогретое нутряное сало («гъане»).

Во многом сходен с описанным другой демонологический персонаж ахваццев – *Рокъ'ерольльи ила* (Мать болезней). Она также представлялась в облике старой, безобразной женщины с длинными растрепанными волосами, с острыми когтями и клыками. Как и *Ила йона*, она просит у людей сало, чтобы смазать потрескавшуюся кожу ног. Живет по берегам речек, но перейти реку (универсальная грани-

ца миров) не может. Поэтому Мать болезней просит человека, чтобы тот на себе перенес ее через реку. Если это происходит, то в село приходят болезни (тиф, чума, холера). «Особенно опасной в представлениях народа она была для роженицы и ребенка. Старуха могла удушить новорожденного, подменить мальчика девочкой, безболезненно выкрасить плод из чрева женщины, наслать смертельный недуг на роженицу или молодую мать. С целью лишить последнюю возможности кормить ребенка, старуха проникала к ней ночью и высасывала молоко. Чтобы этого не случилось, мать ребенка должна была носить на рубашке у груди иглу. По поверьям, старуха боялась только молитвы, железа и света» (Лугуев С.А., 2008. С. 315).

По внешнему облику и функциям с образом Матери болезней смыкается другой персонаж – *Хватала* (*Хъвати, Хъати*). Она имела якобы облик свиньи, но чаще всего творила свои черные дела, оставаясь невидимой. Она умерщвляла детей, особенно новорожденных, выкрадывала плод из чрева матери, иссушала грудь кормящей женщины, насылала эпидемии, мор, падеж скота, вызывала бураны, наводнения, засухи, пожары, градобития и проч. Кроме того, *Хватала* нередко принимала облик красавцы, очаровывала мужчин, а потом исчезала, и мужчины в муках любви сходили с ума.

Как это видно, «сфера деятельности» этого персонажа была несколько шире, чем у Матери болезней (Лугуев С.А., 2008. С. 315).

Изучение мусульманских мифологических персонажей не входит в задачу нашего исследования. Однако в некоторых случаях под их личиной скрываются исламизированные языческие персонажи местного происхождения. У ахвахцев нечистая сила обобщена в понятии шайтаны. У шайтанов кони на трех ногах. Их не видно, но слышно, как они веселятся и справляют свадьбы. Существует мнение, что люди, предсказывающие судьбу, – избранники шайтанов. Основное предназначение шайтанов – всячески вредить и пакостить людям, совращать их с пути истинного. Некоторые люди будто бы знают с шайтанами и даже получали от них подарки, которые впоследствии при ближайшем рассмотрении оказывались лошадиным навозом. Если какой-либо человек вдруг оказывался в местности, где, по всеобщему мнению, водились шайтаны, последние окликали и подзывали его к себе. Если человек отзывался и подходил к ним, его якобы ожидала смерть. В каждом ахвахском селении имеется местность, где будто бы водятся шайтаны. Например, в с. Тадмагитль это была местность «ЩагIа», в с. Кудиябросо – лощина по дороге в с. Тлянуб через с. Изано (Лугуев С.А., 2008. С. 311), в с. Лологонитль – местность «Къварекъу» на северной окраине села, за мостом, у дороги. Напротив этого села, над мостом, в местности «Мазекъу» в прошлом был якобы аул шайтанов. Не так давно в этом селе шайтаны будто бы увели с собой одну из женщин, ездили на ней верхом, водили по скалам, а затем привели обратно с большой вязанкой дров. После случившегося женщина долго болела.

Когда ребенка оставляли одного, чтобы оградить его от козней шайтана, под его изголовье клали нож.

Некоторые мифологические персонажи ахвахцев сохранились в формулах запугивания детей. Так, непослушных детей пугали тем, что «*Бо* придет» («*Бо* бекъ'ере годи!»), «*БогIочIо* придет» («*БогIочIо* бекъ'ере годи!»), «*Баву* придет» («*Баву* бекъ'ере годи!»). Эти персонажи почти не идентифицируются. Известно только, что *БогIочIо* представлялся с большими глазами и рогами, а *Баву* был персонажем меньшего размера.

Таким образом, можно отметить сравнительное многообразие мифологических персонажей, входивших в языческий пантеон и демонологию ахвахцев. Дальнейшее изучение мифологических персонажей ахвахцев перспективно в плане воссоздания более полной картины духовной культуры аварцев и других народов Дагестана и Северного Кавказа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агларов М.А., 1984. Языческое святилище на вершине горы Бахарган (К изучению общинных и региональных культов в Дагестане) // Мифология народов Дагестана. Махачкала.

Агларов М.А., 1988. Из верований народов Западного Дагестана (божество *Цлоб*) // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Махачкала.

Атаев Д.М., 1958. Христианские древности Аварии // Учен. записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала. Т. 4.

Атаев Д.М., 1963. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала.

Брегадзе М.А., 1967. Рациональные основы некоторых обычаев грузинских земледельцев // СЭ. № 2. М.

Булатов А.О., 1990 а. Ритуальная символика некоторых хлебных изделий народов Дагестана // Система питания народов Дагестана (XIX–XX вв.). Махачкала.

Булатов А.О., 1990 б. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала.

Булатова А.Г., 1988. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX – начале XX в. Л.

Гаджиев Г.А., 1991. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М.

Егоров Н.М., 1909. Особые пироги и хлебы // СМОМПК. Тифлис. Вып. 40.

Каранашлов О., 1884. Аул Чох // СМОМПК. Тифлис. Вып. 4.

Лугуев С.А., 2008. Ахвахцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала.

Омаров А., 1896. Воспоминания муталима // ССКГ. Тифлис. Вып. 2.

Сефербеков Р.И., 2005. О персонификации ветра у народов Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала. № 3.

Сефербеков Р.И., Шигабудинов Д.М., 2000. Мифологические персонажи традиционных верований аварцев-хунзахцев. Махачкала.

Тахнаева П.И., 2004. Христианская культура средневековой Аварии в контексте реконструкции политической истории (VII–XVI вв.). Махачкала.

Халидова М.Р., 1992. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала.

Чурсин Г.Ф., 1930. Фигурные обрядовые печения у кавказских народов // Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Л. № 6.

Шихсаидов А.Р., 2001. Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М.